

18+

Михаил Молин

Праздник напротив кладбища

Рассказы из чистилища

Михаил Молин

**Праздник напротив кладбища.
Рассказы из чистилища**

«Издательские решения»

Молин М.

Праздник напротив кладбища. Рассказы из чистилища /
М. Молин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Праздник напротив кладбища — это пять
исповедальных историй о взрослении, любви, стыде, одиночестве и попытках
понять самого себя. Герои этих рассказов совершают ошибки, ревнуют,
причиняют боль, прячутся за красивыми словами, моралью и собственными
убеждениями, пока жизнь не заставляет их увидеть реальность без привычных
оправданий. Книга содержит нецензурную брань.

© Молин М.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Праздник напротив кладбища	7
Значение имён	17
Двадцать дней без алтаря	18
Храм	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Праздник напротив кладбища Рассказы из чистилища

Михаил Молин

© Михаил Молин, 2026

ISBN 978-5-0070-7869-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эти пять историй не про победы и не про мораль.

Здесь нет людей, которые вовремя всё поняли и вышли к свету. Здесь люди чаще опаздывают к собственным выводам: путают ревность с любовью, свободу — с равнодушием, близость — с доказательством, молчание — с характером, профессиональную усталость — с правом не видеть человека.

Кто-то после своей истории действительно чему-то научился. Кто-то только начал подозревать, что проблема была не в других. Кто-то так и остался приверженцем старых принципов, просто научился формулировать их красивее.

Важно здесь не то, кто прав. Важно то, что в какой-то момент каждый из них увидел себя без грима.

Дальше — пять историй о том, как это бывает.

Праздник напротив кладбища

Двадцать восьмого декабря я сидел в больнице у Серёги и врал, что ненавижу Новый год. Не то чтобы прямо врал. Я действительно не любил эти праздники: салаты в пластиковых мисках, пьяные родственники, телевизор, где одни и те же люди уже двадцать лет делают вид, что страна всё ещё умеет веселиться. Но в восемнадцать лет «я не люблю Новый год» часто означает другое: меня никуда особо не зовут, поэтому я заранее объявлю, что сам никуда не хотел.

Очень удобная позиция. Почти философская. Особенно если говорить её с лицом уставшего мужчины, а не мальчика, которому обидно.

Палата была на четыре койки. В углу у окна лежал дед с лицом человека, который давно понял устройство мира и больше не вмешивается. У двери стояла тумбочка с банкой компота. На подоконнике лежали мандарины, но больничные мандарины — это не праздник. Это медицинская процедура с запахом цитруса. Телевизор под потолком показывал предновогоднюю передачу: ведущая в блёстках смеялась без причины, как будто её подключили к розетке.

Серёга лежал под одеялом, злой и бледный. Что с ним тогда было, я уже не помню. Какая-то фигня со здоровьем, не смертельная, но достаточно неприятная, чтобы Новый год он встречал среди белых стен, капельниц и медсестры, которая ходила по коридору так, будто охраняла режимный объект.

— Представляешь, — сказал он, — все будут бухать, а я тут. С компотом.

— Зато без последствий, — сказал я.

— Очень смешно.

— Ну а что? Медицинский Новый год. Стерильно. Безопасно. Можно потом всем рассказывать, что встретил праздник в белом.

Серёга повернул голову и посмотрел на меня так, как смотрят больные люди на здоровых, когда здоровые начинают шутить слишком уверенно.

— Сам-то где будешь?

Я пожал плечами.

— Нигде.

— В смысле?

— В прямом. Ебал я эти праздники.

Я сказал это с таким видом, будто только что сформулировал жизненное кредо. На самом деле у меня не было ни плана, ни компании, ни денег в достаточном количестве, ни нормальной причины радоваться. Был только возраст, в котором человек уже умеет делать вид, что ему всё равно, но ещё не умеет делать так, чтобы действительно стало всё равно.

Серёга потянулся к стакану, поморщился, выпил воды и сказал:

— Арина вроде куда-то едет.

Имя прозвучало как щелчок.

Арина.

Мы когда-то тусовались вместе. Не каждый день, не близко, но достаточно, чтобы у меня в голове успела образоваться отдельная папка с её лицом, голосом, руками, дурацкими сообщениями и моментами, которые я потом прокручивал перед сном как идиот. Она была из тех девушек, рядом с которыми я становился то слишком умным, то слишком грубым, то вообще никаким. Однажды всё почти дошло до близости, но я сам дал назад. Не потому, что не хотел. Хотел как раз слишком сильно. Просто испугался момента, ответственности, собственного тела, её тела, всего сразу. У восемнадцатилетнего парня внутри не мужчина, а комиссия из труса, хвостуна и животного. И все трое одновременно спорят.

— Куда едет? — спросил я, стараясь звучать случайно.

- На хату какую-то. В другой город. Или посёлок. Не понял. Там знакомый её, ещё народ.
- Ну и пусть едет.
- Ты мог бы с ней списаться.
- Зачем?
- Ну не знаю. Пошумели бы.
- Я же сказал: ебал я эти праздники.
- Серёга усмехнулся.
- У тебя лицо сейчас не согласное с тобой.
- У меня всегда такое лицо.

Я перевёл взгляд на телевизор. Там уже пели про снег, счастье и новое начало. В больничной палате это выглядело как издевательство. Новое начало под запах хлорки и кашель деда у окна.

Я вышел из больницы минут через двадцать. На улице было темно, грязно и не по-зимнему сыро. Декабрь в наших краях часто не похож на открытку. Он похож на неудачную стирку: всё серое, мокрое, липкое. Я шёл к остановке и думал, что Серёга, конечно, болен, но не настолько, чтобы не лезть в чужую судьбу.

Тридцатого числа Арина позвонила сама.

Я увидел её имя на экране и несколько секунд смотрел на телефон с видом человека, которому в руки положили взрывное устройство и инструкцию на китайском.

- Алло, — сказал я слишком спокойно.
- Ты чего такой официальный?
- Я всегда официальный.
- Да? А я помню другое.

Она смеялась в трубку. На фоне кто-то говорил, хлопала дверь, играла музыка. У неё уже был праздник вокруг, за сутки до праздника.

— Слушай, — сказала она. — Мы завтра едем отмечать. У знакомого хата. Компания нормальная. Поехали с нами.

- Куда?
- В городок один.
- Городок?
- Ну... почти.
- Это значит деревня?
- Не начинай. Там дом, музыка, алкоголь, люди. Что тебе ещё надо?

Я хотел сказать: тебя. Но я, конечно, сказал другое.

- Я не знаю. Я не очень по этим движениям.
- Да ладно, дед. Тебе восемнадцать, а ты уже как разведённый водитель автобуса.
- Водители автобуса хотя бы знают маршрут.
- Тогда садись и не умничай. Маршрут я знаю.

Вот так меня и купили.

Не любовью, не обещанием, не намёком. Просто голосом. Интонацией. Этим её «не умничай», которое звучало так, будто, между нами, уже есть какой-то частный язык. Я сразу начал выстраивать в голове сценарий. Не вслух, конечно. Вслух я был просто человек, который едет за компанию. Свободный, лёгкий, почти равнодушный. А внутри уже шла репетиция: как мы поссоримся в шутку, как помиримся, как окажемся где-нибудь отдельно, как она вдруг поймёт, что всё это время...

Тридцать первого мы выехали ближе к вечеру. Не на поезде и не торжественно, а как обычно выезжают молодые люди на сомнительные мероприятия: кто-то опоздал, кто-то забыл пакет, кто-то уже начал пить, кто-то спорил, кому с кем ехать. Поехали на двух машинах, но ощущение всё равно было одно: будто нас всех вместе с куртками, алкоголем, пакетами, ман-

даринами и предвкушением запахнули в один тесный салон, который пах дешёвым шампанским ещё до того, как его открыли.

С нами ехали Арина, две её знакомые, Серёга — он на ночь сбежал из больничного режима, потому что больничный режим проиграл Новому году, — хозяин дома Кирилл и его друг Паша. Кирилл ехал впереди и показывал дорогу так, будто вёл колонну спецназа. Паша ржал над каждым вторым словом, иногда даже над своими. Одна из девушек красила губы в зеркальце, пока машину трясло на ямах.

Арина сидела рядом со мной. Иногда плечо её касалось моего плеча. Иногда она убирала волосы за ухо. Иногда смотрела в окно и молчала. Каждое её движение я, разумеется, считывал, как знак. Если человек хочет найти подтверждение своей фантазии, он найдёт его даже в том, как девушка поправила рукав.

— Чего ты молчишь? — спросила она.

— Думаю.

— Опасно.

— Для кого?

— Для всех.

Кто-то сказал:

— Сейчас приедем, там нормально будет.

Это «нормально» потом надо было высечь на табличке и повесить над воротами ада.

Мы ехали долго. Город закончился, потом закончились нормальные фонари, потом дорога стала такой, будто её ремонтировали не рабочие, а пьяные археологи. За окнами тянулись заборы, чёрные деревья, редкие дома с гирляндами. Гирлянды висели криво, но старались. В одном дворе светился пластиковый Дед Мороз, заваленный набок. Он выглядел так, будто тоже начал отмечать заранее.

— Почти приехали, — сказал Кирилл.

Через десять минут мы приехали в место, которое официально, наверное, имело название, но по виду было не городом, а паузой между городом и ничем. Несколько улиц, магазин, остановка, дома, собаки. Воздух пах дымом и мокрой землёй. Снег лежал пятнами, грязный, как старая простыня.

Дом Кирилла стоял напротив кладбища.

Не рядом. Не где-то в конце улицы. Напротив.

Я вышел из машины, поднял голову и увидел за дорогой чёрные кресты, оградки, венки, силуэты деревьев. Кладбище было спокойное, аккуратное, даже в каком-то смысле воспитанное. В отличие от нас, оно не собиралось праздновать.

— Нормальное место, — сказал Паша, вытаскивая пакеты.

— Для Нового года самое то, — сказал я.

— Романтика, — сказала Арина.

Я посмотрел на неё. Она улыбнулась. Мне показалось, что улыбнулась мне.

Сам дом был недостроенный. Кирпич, голые участки стены, какие-то доски у входа, мешок цемента в углу прихожей, провода, которые торчали из стены с видом незаконных жильцов. Внутри было тепло, но тепло неправильное: печка или обогреватель где-то старались, а стены всё равно отдавали холодом. На кухне стоял стол с клеёнкой, бутылками, хлебом, нарезкой, мандаринами и пластиковыми стаканами. Мандарины снова пытались создать праздник. Им было трудно.

В комнате стоял старый диван, матрас на полу, несколько стульев и кресло. Кресло надо описать отдельно, потому что оно сыграло в моей жизни роль, на которую не подписывалось. Оно было продавленное, с облезлыми подлокотниками, коричневое, тяжёлое, как советская вина. Такое кресло могло пережить развод, пожар, приватизацию и ещё пару таких же идиотов,

как я. Тогда на него почти никто не обратил внимания. А зря. Некоторые предметы лучше уважать заранее.

Начали пить.

До курантов было ещё далеко, но в таких компаниях куранты — это не старт, а формальность. Старт начинается, когда первый человек говорит: «Ну, по чуть-чуть». Через час это «чуть-чуть» уже лежит на столе с пустыми бутылками и смотрит на тебя с укором.

Я пил быстро. Слишком быстро. Мне нужно было догнать настроение, которое у всех вроде бы уже было. Кирилл поставил музыку с телефона. Колонка хрипела, но старалась. Паша рассказывал историю про какого-то знакомого, который однажды уснул в подъезде и проснулся с чужой шапкой. Девушки смеялись. Серёга, ещё больничный внутри, но уже праздничный снаружи, сидел на диване и говорил, что после больницы ему любая хата как санаторий.

Арина сначала держалась рядом. Мы говорили о всякой ерунде. О школе, старых компаниях, кто где сейчас, кто с кем перестал общаться. Она смеялась, но как-то не так, как я хотел. Не персонально. Не для меня. Просто смеялась в общий воздух.

Я начал цепляться.

Сначала мягко. Потом грубее. Я всегда так делал, когда чувствовал, что теряю управление: вместо того чтобы сказать что-то нормальное, начинал язвить. Уколоть. Проверить. Вынудить реакцию. Гениальная стратегия, если твоя цель — остаться одному с гордостью и пластиковым стаканом.

— Ты чего такая важная сегодня? — спросил я.

— Я?

— Ну да. Прямо хозяйка вечера.

— А ты чего такой душный?

— Я не душный. Я наблюдательный.

— Наблюдательный — это когда молчат и выводы делают. А ты просто докапываешься.

Паша на кухне заржал над чем-то своим. Кирилл открыл очередную бутылку. Серёга сказал кому-то: «Не мешайте людям строить отношения». Я сделал вид, что не услышал.

— Я не докапываюсь, — сказал я. — Просто интересно, мы тут вообще где спать будем? Мест, я так понимаю, не вагон.

Арина посмотрела на меня. Не кокетливо. Не смущённо. Устало.

— Ты уже распределил?

— Я уточняю логистику.

— Логистику он уточняет.

— Ну а что? Хата недостроенная, кладбище через дорогу, спальных мест три с половиной. Надо же как-то планировать.

— Планируй себя.

И ушла.

Не хлопнула дверь. Не устроила сцену. Просто вышла из кухни в коридор, а потом куда-то дальше. И это было хуже. С хлопком двери хотя бы понятно: драма, конфликт, акт первый. А тут человек просто устал от тебя и ушёл. Очень неприятный жанр.

Я остался у стола и сказал:

— Ну и ладно.

Сказал это для всех. Особенно для себя.

Потом выпил ещё.

Внутри я, конечно, думал, что это пауза. Она сейчас остынет, вернётся, скажет что-нибудь, я отвечу уже мягче, мы посмеёмся, и всё станет даже лучше, потому что после ссоры примирение всегда кажется значительнее. Я не понимал простой вещи: иногда человек уходит не для того, чтобы его догнали. Иногда он просто уходит.

К полуночи я был уже почти не человек.

Куранты смотрели на телефоне. Кто-то включил трансляцию, она зависала, и Новый год наступил с задержкой секунд на десять, как будто даже он не хотел приезжать в этот дом вовремя. Мы чокались пластиковыми стаканами. Кто-то кричал «с новым счастьем». За окном стояло кладбище, где с новым счастьем было уже окончательно решено.

После полуночи всё поплыло быстрее. Музыка стала громче, лица ближе, слова короче. Кто-то достал самокрутку. Я не буду делать вид, что это было важное мистическое событие. Нет. Просто в какой-то момент мне дали, я затаился, потом ещё, и мой мозг, который до этого хотя бы пытался вести протокол заседания, встал и ушёл без заявления.

Предметы стали выразительнее людей. Лампочка под потолком гудела так, будто в ней жила муха. Мандарины на столе расплывались оранжевыми пятнами. Клеёнка блестела. Чужие куртки висели в прихожей, как уставшие свидетели. Кладбище иногда появлялось в окне чёрными вертикальными линиями. Мне казалось, что дом слегка наклонён, хотя, возможно, это был я.

Арину я почти не видел. Иногда она проходила мимо. Один раз смеялась с Кириллом. Один раз стояла в коридоре, и он что-то говорил ей близко к уху. Я отвернулся. Потом снова посмотрел. Потом сказал себе, что мне всё равно. Когда человек третий раз за минуту говорит себе, что ему всё равно, можно уже вызывать комиссию.

Часа в два я отключился.

Не заснул красиво, не ушёл в ночь, не растворился в музыке. Просто организм нажал аварийную кнопку.

Проснулся я в четыре.

В кресле.

В том самом.

Сначала я не понял, где нахожусь. Это вообще отдельный талант алкоголя — возвращать тебя в жизнь без инструкции. Открываешь глаза, а мир стоит над тобой и говорит: угадывай.

У меня затекла шея. Во рту было сухо и кисло. Одна рука свисала с подлокотника, будто не моя. На полу лежал пластиковый стакан. В углу мигала гирлянда, которую кто-то всё-таки повесил на гвоздь. Она мигала с упорством человека, которому уже нечего терять.

Я сел.

На диване рядом спал Серёга. Рядом с ним — одна из девушек. Они лежали в одежде, почти мирно. Серёга дышал носом, тяжело, по-больничному. Девушка свернулась калачиком, укрытая курткой. На секунду мне даже стало спокойно. Мир был неприятен, но понятен.

Потом я услышал звук за стеной.

Сначала тихий. Глухой. Как будто кто-то двигал мебель. Потом голос. Женский. Потом мужской. Потом пауза. Потом снова.

Я замер.

Человек в такой момент становится слухом. Всё тело уходит на второй план. Ты не дышишь, не моргаешь, не думаешь словами. Просто слушаешь.

Я сказал себе: мало ли. Дом старый. Недостроенный. Звуки странно ходят. Может, кто-то смеётся. Может, кто-то упал. Может, вообще телевизор.

Потом из дальней комнаты донеслось другое. Там тоже кто-то не спал. И не телевизор. Там была своя жизнь, отдельная, энергичная, с ритмом и с той уверенностью, которой мне так не хватало.

Я начал считать.

Одна девушка — рядом с Серёгой. Спит.

Вторая — значит, там, дальше по коридору.

Паша? Кирилл? Кто где?

Арина.

Где Арина?

Я медленно повернул голову к стене.

За ней снова был звук. Не надо было ничего видеть. Видеть было бы даже лишним. Всё уже сложилось в голове с такой ясностью, от которой становится холодно в животе.

Арина была там.

С Кириллом.

С хозяином дома.

С человеком, который просто имел территорию, комнату, матрас, трезвости чуть больше, чем я, и, возможно, умение не портить всё своим языком.

Меня начало трясти.

Не красиво, как в романах. Не «руки задрожали от сильного чувства». А мелко, противно, физически. Как будто тело решило: раз голова не справляется, будем изображать землетрясение.

И тут важно сказать честно: она мне не принадлежала.

Я понимаю это сейчас. Прямо, ясно, без скидок. Мы не встречались. Она ничего не обещала. Я ничего не сказал. Я приехал с тайной надеждой, сам испортил разговор, напился, вырубился в кресле и почему-то ожидал, что реальность будет дежурить рядом, пока я приду в себя.

Но тогда я этого не понимал.

Тогда в голове была другая математика. Детская, обиженная, тупая: я хотел — значит, имел право. Я приехал — значит, должен был получить шанс. Я думал о ней — значит, между нами, что-то было.

Так рассуждает не взрослый человек. Так рассуждает мальчик у витрины, которому не купили игрушку, хотя он уже успел представить, как будет с ней спать.

Я разбудил Серёгу.

— Серый.

Он не проснулся.

— Серый, блять.

Он открыл один глаз.

— Чё?

— Мне нужны таблетки.

— Какие таблетки?

— Успокоительные. Любые.

Он моргнул. Посмотрел на меня. Потом, видимо, тоже услышал стену. Лицо у него стало чуть более бодрым, но не от сочувствия, а от понимания, что ночь окончательно стала тупой.

— Ты чего?

— Меня трясёт.

— Вижу.

— Я сейчас что-нибудь сделаю.

— Не сделаешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты даже встать нормально не можешь.

Он был прав. Это было обидно.

Я сказал что-то про нож. Не помню дословно. Что найду, что всех... В общем, стандартная пьяная грандиозность слабого человека. В действительности я никого бы не тронул. Я даже дверь бы, наверное, не смог открыть с первого раза. Но мне нужно было произнести что-то большое, потому что внутри я был маленький, жалкий и сидел в кресле, которое знало обо мне всю правду.

Серёга прислушался. Потом сонно сказал:

— Там таблетки есть.

— Где?

Он махнул рукой.

— В той комнате.

Пауза.

Мы оба посмотрели на стену.

В той комнате.

Именно там.

Там, где Арина. Там, где Кирилл. Там, где моя юношеская трагедия в этот момент была занята более практическими вещами.

Серёга сам понял, что сказал. Даже в полумраке было видно, как до него дошла вся архитектура абсурда.

— А, — сказал он. — Ну да.

Я начал смеяться. Тихо и плохо. Смех не приносил облегчения. Он был как кашель.

— Иди возьми, — сказал я.

— Сам иди.

— Я туда сейчас зайду и умру.

— Не надо умирать у людей в комнате. Новый год всё-таки.

Он сел, протёр лицо ладонями и встал.

— Ладно. Сиди, Ромео. Сейчас принесу.

Ромео. Отлично. Если бы Шекспир писал для нашей местности, Ромео проснулся бы в продавленном кресле, попросил бы успокоительное, а Джульетта была бы занята у хозяина недостроенного дома напротив кладбища. Классика, просто без колгот и с пластиковыми стаканами.

Серёга пошёл в коридор.

Я сидел и слушал.

Стук.

Тишина.

Ещё стук.

За стеной всё внезапно затихло. Вот это затихание было хуже звуков. В нём было моё присутствие. Моё унижение официально вошло в комнату.

Потом я услышал мужской голос, раздражённый, сонный или злой — не разобрал. Потом Серёгин голос:

— Да мне таблетки нужны.

Потом женский шёпот. Аринин. Я не разобрал слов. И слава богу. Иногда жизнь милосердна хотя бы тем, что не даёт субтитров.

Серёга вернулся через минуту. В руке у него была пластинка таблеток.

— На.

— Что это?

— А я ебу? Успокоительное какое-то. Не жри всё.

— Ты у кого взял?

— У них. Где ж ещё.

— Они что сказали?

— Ничего. Передают привет твоей нервной системе.

Я выдавил таблетку, запил остатками воды из какого-то стакана. Вода была тёплая и с привкусом чужого праздника. Серёга сел обратно на кровать.

— Только не тупи, — сказал он.

— Уже поздно.

— Ну хотя бы дальше не тупи.

Он лёг и почти сразу снова закрыл глаза. Вот за это я Серёгу и уважал: человек мог побывать в центре чужой катастрофы, принести таблетки из комнаты морального поражения и вернуться спать, как санитар после обхода.

Через несколько минут меня отпустило. Или я просто устал трястись.

Я вышел на улицу курить.

Ночь была холодная. Воздух резал горло. Под ногами хрустела не зима, а замёрзшая грязь. Вдалеке кто-то запускал петарды, но они звучали глухо, как плохие выстрелы из детства. Дом за моей спиной шумел, жил, дышал перегаром, музыкой, чужими телами, обидами, недопитыми стаканами.

А напротив, стояло кладбище.

Спокойное.

Будничное.

Кресты чернели за забором. Пластиковые венки чуть поблёскивали в темноте. Снег на могилах лежал тонко, неуверенно. Там не было ни ревности, ни музыки, ни победителей, ни проигравших. Там уже никто не выяснял, кто с кем должен был спать и почему жизнь не выполняла внутренний сценарий одного пьяного идиота.

Очень полезный вид для человека, которому восемнадцать.

Я курил и думал. Точнее, сначала не думал. Сначала внутри просто ходила злость. На Арину, на Кирилла, на Серёгу с его таблетками, на дом, на кресло, на Новый год, который наступил без моего согласия. Потом злость начала остывать и под ней появилась вещь неприятнее.

Стыд.

Не перед ней даже. Перед собой.

Потому что, если убрать шум, алкоголь, кладбище, все эти декорации, оставалась простая картина: я хотел человека, но не смог быть с ним честным. Не сказал, не сделал, не выдержал. А когда этот человек оказался не в моём сценарии, я решил, что меня обокрали.

Хотя у меня ничего не было.

Даже шанса, если честно. Шанс я сам уронил на кухне между клеёнкой и бутылками, когда начал язвить вместо того, чтобы говорить нормально.

Дверь дома хлопнула.

Я обернулся.

Арина вышла на улицу.

Куртка была накинута кое-как. Волосы спутались. Лицо мокрое. Она плакала не театрально и не трогательно, а устало. Как человек, который тоже не планировал становиться частью чужой драмы, но его туда вписали без разрешения.

Она подошла и остановилась рядом. Некоторое время мы молчали. Из дома доносилась музыка, уже тише. Где-то за кладбищем лаяла собака.

— Ну извини, — сказала она. — Я не хотела.

Фраза была короткая. Простая. Почти бытовая.

И именно поэтому она разошлась внутри меня, как трещина по стеклу.

Не хотела чего?

Чтобы я услышал?

Чтобы я проснулся?

Чтобы Серёга пришёл за таблетками?

Чтобы я приехал?

Чтобы я хотел её?

Чтобы я построил у себя в голове целую комнату, где мы с ней должны были оказаться, а потом обнаружил, что ключи от этой комнаты вообще никто мне не выдавал?

Она, наверное, имела в виду нормальное человеческое: не хотела сделать больно.

И, возможно, это была правда.

Но мне тогда хотелось услышать не это. Мне хотелось, чтобы она признала моё право на боль. Чтобы сказала что-то такое, после чего я стал бы не смешным пьяным мальчиком у недостроенного дома, а человеком, которого действительно предали. Мне нужна была роль. Благородная, страдающая, большая.

Она мне её не дала.

Сказала только:

— Я не хотела.

Я затянулся, но сигарета уже почти догорела. Пальцы мёрзли.

— Да всё нормально, — сказал я.

Это была ложь. Плохая, маленькая, но единственно доступная.

Она посмотрела на меня. Я не знаю, что она увидела. Наверное, ничего хорошего. Парня с красными глазами, в мятой одежде, который стоит напротив кладбища и изображает взрослость так же неубедительно, как больничный телевизор изображал праздник.

— Ты злой? — спросила она.

— Нет.

— Врёшь.

— Ну да.

Она всхлипнула и отвернулась.

Я мог сказать что-нибудь человеческое. Например: «Я сам виноват». Или: «Не обращай внимания». Или даже: «Иди в дом, холодно». Но хорошее слово часто приходит через много лет, когда оно уже никому не нужно.

Тогда я просто стоял.

Мы постояли рядом ещё минуту. Потом она вернулась в дом. Я остался на улице и докурил фильтр почти до пальцев.

После этого у меня что-то поехало.

Никакого кино после этого не случилось. Я не стал великим страдальцем, не написал альбом, не ушёл в монастырь и не превратился в легенду района. Несколько месяцев я просто жил как человек, у которого внутри сбился звук. Ходил куда-то, отвечал людям, пил какие-то таблетки, просыпался, ел, снова ложился. Иногда всё было нормально. Иногда вдруг возвращалось кресло.

Именно кресло.

Не Арина. Не Кирилл. Не звуки за стеной. А это коричневое продавленное кресло, в котором я проснулся и понял, что праздник прошёл без меня. В жизни много болезненных открытий, но это одно из самых неприятных: оказывается, мир не обязан ждать, пока ты созреешь для своего счастья.

Потом Арина вышла замуж.

За какого-то грубоватого парня. Нормального, наверное. Я тогда, конечно, называл его про себя всякими словами, потому что мне нужно было хоть как-то сохранить ощущение превосходства. Потом у них родился ребёнок. В соцсетях появились фотографии: кухня, коляска, торт, муж в майке, подпись «мои любимые». Всё как у людей.

И вот это было страннее всего.

Жизнь у неё пошла дальше обычным способом. Без кладбища, без символов, без моей великой новогодней трагедии. Она готовила, смеялась, выкладывала фотографии, растила ребёнка. А я ещё какое-то время носился внутри себя с той ночью, будто мне выдали редкую медаль за страдание.

Потом стало ясно: медаль была из фольги.

Я долго пытался сформулировать мораль.

«Не пей» — слишком просто. Хотя не пить в недостроенных домах напротив кладбища, конечно, полезный практический совет.

«Не ревнуй» — тоже слишком чисто. Ревность не выключается от умной фразы, особенно когда тебе восемнадцать, и ты путаешь желание с судьбой.

«Говори прямо» — уже ближе. Но тоже не всё.

Сейчас мне кажется, что та ночь была про другое.

В юности ревность часто притворяется любовью. Очень убедительно притворяется: дрожь, боль, злость, желание исчезнуть, желание всё вернуть, желание кому-то что-то доказать. Но если присмотреться, там иногда нет любви. Там есть чувство собственности на то, что тебе никогда не принадлежало. Ты ничего не построил, ничего не попросил, ни за что не ответил, но уже поставил внутри табличку: «моё». А потом реальный человек проходит мимо этой таблички и живёт свою жизнь.

И ты называешь это предательством.

Хотя это просто реальность.

Новый год тогда всё-таки наступил. Для всех. Даже для Серёги с его больничным запахом. Даже для Кирилла с его недостроенным домом. Даже для Арины, которая сказала «я не хотела» и, возможно, действительно не хотела. Даже для меня, хотя я был уверен, что меня забыли где-то между креслом и кладбищем.

С тех пор я не очень верю в праздники как в новые начала.

Чаше они просто подсвечивают старые глупости гирляндой.

Но если у той ночи и было настоящее начало, то оно случилось не под куранты. Оно случилось в четыре утра, когда я проснулся в разваленном кресле, услышал за стеной чужую жизнь и впервые, пусть пьяно и криво, понял: мир не обязан играть роль в моей фантазии.

Даже в Новый год.

Даже напротив кладбища.

Значение имён

Арина — родственная форма имени Ирина; обычно связывается со значением «мир», «покой».

Сергей — имя латинского происхождения; часто толкуется как «высокий», «знатный», «почтенный».

Двадцать дней без алтаря

Храм

Я долго думал, что близость — это не просто слово.

Не случай, не вечер, не два человека в одной комнате, не то неловкое место, где разговоры заканчиваются, а всё остальное вдруг становится прямее, смешнее и беззащитнее.

Для меня это был почти храм.

Не красивый, не с витражами и свечами. Скорее бетонный провинциальный храм, построенный где-то между школой, стыдом и дешёвыми представлениями о порядочности. Туда страшно зайти не из-за Бога, а из-за невидимого охранника у входа: он сразу смотрит на тебя и понимает, что ты не по списку.

Всё это шло из воспитания. Из фраз, которые никто не произносил торжественно, но они всё равно застревали в голове: девушку нельзя использовать, близость — это серьёзно, если она с тобой — ты за что-то отвечаешь, если просто получил своё и ушёл — ты мразь. В этих фразах было много правильного. Проблема в том, что я воспринял их не как уважение к другому человеку, а как инструкцию по выживанию для собственного страха.

В школе я был стеснительным. Не тем милым стеснительным, которого потом вспоминают девочки из класса и говорят: «Он был такой загадочный». Нет. Я был обычным зажатым парнем, который слишком много думал о том, как выглядит со стороны, и поэтому со стороны выглядел ещё хуже.

Девушки казались мне людьми из другой налоговой категории. Они смеялись в коридоре, переписывались, красились перед зеркалами, смотрели сквозь тебя или вдруг смотрели прямо — и от этого прямого взгляда у меня внутри падала мебель.

Если девушка обращала на меня внимание, это было событие.

Если писала первой — почти государственный праздник.

Если соглашалась встретиться — доказательство, что я, возможно, не ошибка в документах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.